

Янь Чэн поднялся, чтобы позвать управляющего для записи в счетах, и во внутренней комнате остались только Юэ Тунчжоу и Сун Цзиньшу. Сун Цзиньшу, увидев Юэ Тунчжоу в роскошной одежде, немного испугался и не решался красть на него косые взгляды.

Он и не подозревал, что Юэ Тунчжоу тоже тайком его разглядывал.

— Отец супруги дома Янь не из ли Юду?

Сун Цзиньшу словно ученик, которого учитель застал за невнимательностью на уроке, резко выпрямился и с серьезным видом покачал головой.

Юэ Тунчжоу прикрыл рот рукой и тихо рассмеялся, не выказывая никакого пренебрежения, отчего Сун Цзиньшу почему-то почувствовал прилив тепла.

Перед ним находился прекрасный господин, словно выточенный из нефрита, без тени высокомерия, свойственного богатым выскочкам; он был благороден и мягок, заставив Сун Цзиньшу невольно подумать о ручье.

— Мой отец... да, да, из Личэна.

Услышав, как сбивчиво говорит Сун Цзиньшу, Юэ Тунчжоу даже не показал удивления, лишь с сожалением покачал головой.

— Я вижу, ты очень похож на одного моего старого знакомого, и подумал, что ты его дальний родственник.

Сун Цзиньшу замахал руками, рассказывая, что вырос в сельской местности Личэна и попал в Юду лишь в 18 лет.

Так они разговорились, и Юэ Тунчжоу обнаружил, что Сун Цзиньшу знает наизусть немало стихов и книг, совершенно не похож на того глупого и трусливого человека, о котором ходили слухи. Сун Цзиньшу же с удивлением обнаружил, что Юэ Тунчжоу совсем не избалован, как иные богатые господа, и даже способен отличить зеленый лук от чеснока.

Юэ Тунчжоу проявлял невероятное терпение; даже если Сун Цзиньшу долго и с трудом выговаривал одну фразу, он не выказывал ни малейшего нетерпения.

Янь Чэн заходил один раз, приподнял занавеску и увидел, что они сидят близко, о чем-то оживленно беседуя, а Сун Цзиньшу смеется, шурясь. Янь Чэн замер, затем улыбнулся, приказал слуге сменить чай и оставил их болтать во внутренней комнате.

Сун Цзиньшу редко смеялся так от души.

Смеркалось, управляющий уже начал сводить счета. Сун Цзиньшу и Юэ Тунчжоу все еще сидели плечом к плечу, обсуждая, вырастет ли новый вид цветов, если привить персик к груше.

Янь Чэн с улыбкой развел их в стороны, притянул Сун Цзиньшу к себе, взял его за подбородок и показал на закат за окном.

Оранжевый свет лился в окно, окутывая двух господ, сидевших у окна, очерчивая их лица мягкими и нежными оттенками.

У обоих на переносице была ярко-алая родинка, так что на первый взгляд можно было принять их за родных братьев.

Служанка приподняла занавеску и тихо напомнила Юэ Тунчжоу, что пора возвращаться. Сун Цзиньшу неохотно проводил его до дверей.

На прощание Юэ Тунчжоу надел на шею Сун Цзиньшу свой амулет мира и с помощью служанки поднялся в карету.

Сидя в повозке, он приподнял полог и показал свое красивое, яркое лицо в маленьком окошке, тихо сказав Сун Цзиньшу:

— Если я заскучаю по тебе, приду в дом Янь поиграть. Надеюсь, тогда второй господин не пожалеет отпустить тебя.

Янь Чэн улыбнулся в ответ, что не пожалеет, обнял Сун Цзиньшу за талию и смотрел, как карета дома Юэ постепенно удаляется.

— Когда же вернется ваш второй господин?

Мужчина в передней зале нетерпеливо постукивал носком сапога о пол. У него были густые брови, пухлые губы, кожа, смуглая от солнца, а когда он говорил, были видны желтые зубы — выглядел он свирепо.

— Второй господин... в лавке забот полно, возвращается поздно.

Управляющий боялся подойти к этому мужчине, от которого исходил запах пота; вытирая пот, он с отвращением поглядывал на этого человека, назвавшегося двоюродным братом Сун Цзиньшу.

— А Сун Цзиньшу где? Почему его нет в доме?

Мужчина, словно никого вокруг не замечая, закинул ногу на колено, почесал между пальцами на ноге и потянулся за печеньем «Цветы сливы» с блюда.

Управляющий долго терпел, чтобы не сказать, что это печенье оставлено для молодого господина.

— Второй господин взял молодого господина с собой в лавку. Вам... не подождать в гостевой?

— К чему ждать, я буду ждать здесь! Жена-мужчина, да еще бегают с мужем по сторонам — с ума сошел? Не боится, что его на улице украдут и сделают наложником? Тьфу, несчастье.

Мужчина о чем-то вспомнил, и злость его росла. В конце концов он швырнул недоеденное печенье на пол и растер его ногой.

Сун Цзиньшу, которого Янь Чэн снял с лошади, услышал доносящуюся из передней ругань, и движение его замерло — он чуть не упал с коня.

Янь Чэн, обнимая Сун Цзиньшу, с облегчением погладил его по спине, чувствуя его напряжение, сжал ладонь и повел в дом.

Увидев, как Сун Цзиньшу входит в двери, мужчина поспешно встал со стула.

Когда Сун Цзиньшу подошел ближе, он разглядел, что когда-то сухой и маленький мальчик уже вырос в прекрасного хрупкого юношу, в каждом движении которого сквозило очарование, на которое он прежде не обращал внимания.

Мужчина пялился на него, забыв все слова, что были на языке, и только смотрел на родинку на переносице Сун Цзиньшу.

Если бы не эта родинка, он бы не узнал Сун Цзиньшу.

Заметив, как мужчина пялится на Сун Цзиньшу, Янь Чэн нахмурился, притянул человека к себе и заслонил, одновременно сверля взглядом мужчину и спрашивая управляющего:

— Почему в доме Янь пускают кого попало? У нас не приют для нищих, у городских ворот 13-го числа каждого месяца чиновники раздают кашу.

Услышав, что его называли нищим, мужчина нахмурился, сделал движение, чтобы схватить Сун Цзиньшу, но, остановленный Янь Чэном, с досадой опустил руку.

— Этот... господин сказал, что он дальний родственник, двоюродный брат молодого господина.

Двоюродный брат?

Янь Чэн окинул его взглядом с ног до головы: весь в грязи, воняет — он не видел ни единого сходства с Сун Цзиньшу.

— Как вы работаете? Он сказал «двоюродный брат» — и вы поверили? Откуда этот нищий? Выгоните его!

Мужчина это не понравилось, он указал пальцем на Сун Цзиньшу и закричал:

— Сун Цзиньшу, ты маленькая шлюха! Теперь твой двоюродный брат пришел к тебе на постой, а ты хочешь его выгнать!

— Если бы не мои родители, которые каждый месяц возили вам рис, ваша семья давно бы сдохла, и где бы ты сегодня стоял, чтобы строить мне глазки!

Сун Цзиньшу дрогнул от его крика, с ненавистью поднял глаза, краска обильно выступила на них.

Возили рис?

Если бы не тот рис, подмешанный с отравой, его отец не слег бы, и вся тяжесть не легла бы на мать, которая в конце концов умерла от переутомления.

— Ты еще смеешь на меня смотреть! Когда мои родители говорили, чтобы я женился на тебе, мне не надо было отказываться. Не думал, что ты так изменишься за эти годы, надо было взять тебя в наложницы, чтобы ты каждую ночь плакала подо мной. Я тебя везде перещупал, а ты смеешь выходить замуж? Знает ли второй господин дома Янь, что ты грязная, а?

Услышав это, Янь Чэн с ледяным лицом пнул его, и тот упал. Он приказал слугам прижать его к земле, связать руки пеньковой веревкой и привязать к столбу.

Сун Цзиньшу трепетал от ярости, ногти впились в ладони, между пальцами сочилась кровь.

В детстве, когда родители были заняты на поле, его оставляли на попечении второй тетки. Тетя его презирала, часто била и ругала. Сун Цзиньшу после побоев запирали в углу сарая, где он плакал, пока его не видел старший на семь лет двоюродный брат Хуан Фугуй.

Дети ничего не понимали, Хуан Фугуй, выросший в деревне, знал только грубость и грязь. Увидев худенького мальчика, он под предлогом обработки ран обманом заставил Сун Цзиньшу раздеться и лечь на пол сарая, где ощупал все его тело.

В последующие дни Хуан Фугуй, завидев его, всякий раз уговаривал показать рану. Сун Цзиньшу в детстве не понимал, но, повзрослев, каждый раз, вспоминая об этом, чувствовал приступ тошноты.

Как он смеет об этом говорить!

Сун Цзиньшу обернулся посмотреть на реакцию Янь Чэна, но увидел лишь его холодную спину. Память о побоях и приставаниях в детстве хлынула внезапно, Сун Цзиньшу пошатнулся, сделал шаг вперед, ноги подкосились, и он повалился набок.

Янь Чэн обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Сун Цзиньшу падает, и поспешил подставить руки, не давая ему удариться о землю.

Сун Цзиньшу вцепился в его рукав, суставы побелели от напряжения, а кровь, сочившаяся из ладоней, резала глаза Янь Чэну.

Хуан Фугуй все еще что-то орал, у Сун Цзиньшу заложило уши, голова закружилась, он наклонился и несколько раз икнул, но ничего не вышло.

Янь Чэн поднял его на руки, приказал управляющему бросить Хуан Фугуя в сарай и широким шагом унес человека прочь от шумной передней.

<http://bllate.org/book/16689/1531882>